

«Поправление духовного чина»

Многие современники сомневались в православии и вообще вере русского царя. Нет сомнений, что Петр Великий был религиозен, верил в Бога, но он смотрел на мир с позиций рационализма. Сохранилась история о том, как однажды Петр смотрел в телескоп и был потрясен видом звездного неба. Оторвавшись от окуляра, он задумчиво произнес: «Бесконечен звездный мир, что свидетельствует о бесконечности Бога и его непознаваемости людьми. Светские науки далеко еще отстают от познания Творца и его творения». То же можно сказать и теперь, в эпоху космических полетов.

Как бы то ни было, но с церковью царь поступал подчас весьма круто. Тому были две главные причины. Во-первых, среди политических противников Петра было немало церковников, не хотевших, чтобы Петр из рода Нарышкиных сидел на троне, и поэтому встречавших все его реформы в штыки. Церковники были частью той «старины», которую ненавидел Петр. Отношение к ним видно из указа Петра 1698 года: певчим запрещалось появляться в Новодевичьем монастыре, где сидела соперница и сестра Петра царевна Софья. Кажется, что гневом дышит этот указ: «Певчих в монастырь не пускать, поют и тамошние старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют “Спаси от бед”, а

на паперти деньги на убийство дают».

Заметки на полях

Петр – единственный из русских царей, кто так резко выражался о монашестве: «Нынешнее житие монахов только вид есть и поношение от иных законов, немало и зла происходит, понеже большая часть – тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность, то сколько расколов и возмутителей произошло, всем ведомо есть... что же прибыль общества от сего – воистину токмо старая пословица: ни Богу ни людям, понеже большая часть бегут в монастыри от податей, а также от лени, дабы даром хлеб есть». что же стояло за этим? Его ненависть к «старине»? Модные протестантские идеи общей пользы и всеобщей службы и труда? Конечно, среди монахов было немало бездельников, но было же немало праведников и святых людей.

В этом-то и суть дела. Петр не принимал саму идею монашества. Ему была невыносима мысль, что в его государстве есть люди, независимые от него – светского правителя, люди, живущие с другими ценностями и идеалами. И он начал тотальное наступление на монашество. Монахам запрещалось писать запершишь. Это понятно – из среды образованных монахов вышли все памфлеты против петровских начинаний. Затем был категорически запрещен прием в монахи нестарых мужчин, а потом вообще кого бы то ни было. Вместо новых послушников монастыри были обязаны брать отставных, покалеченных воинов. Проживи Петр еще несколько лет, он бы полностью уничтожил монашество в России.

В царствование Петра были проведены кардинальные, невиданные изменения в церковном устройстве. Патриаршество было отменено, учреждена Духовная коллегия, за работой которой наблюдал гвардейский офицер. Наступление на церковь началось по всем направлениям. Был создан Духовный регламент, регулировавший все действия церкви. Подданные были обязаны ходить в церковь, где их учитывали в специальных книгах. Они должны были исповедоваться у священника, а он, в свою очередь, был обязан, под страхом наказания, доносить на своих духовных детей, если в исповеди был состав государственного преступления. О святости тайны исповеди даже речи не шло! Священники клялись на Евангелии, что обещаются «о ущербе его величества интереса, вреде и убытку, как скоро о том уведая, не только заблаговременно объявлю, но и всяки мерами отвращу...». Государство начало решительно превращать церковь в одну из своих контор. Этой конторе поручалось окормление подданных в указанном светской властью духе. Весьма выразителен анекдот, записанный токарем Петра Нартовым: «Государь, присутствуя в собрании с

архиереями, приметив в некоторых из них усиленное желание к избранию патриарха, вынув одной рукою из кармана Духовный регламент и отдав им, грозно сказал: “Вы просите патриарха – вот вам духовный патриарх, а противомыслящим сему (выдернув из ножен кортик и воткнув в стол) – вот вам булатный патриарх! Так и живите!”»

Действующие лица

Архиепископ Феодосий Яновский

Личность Феодосия, одного из сподвижников Петра, не представляет собой загадки. Выходец из Польши, воспитанник знаменитой Киево-Могилянской академии, он слыл чужаком в среде московского духовенства. Так было со многими учеными украинцами и поляками, без церковных знаний которых в России все-таки обойтись не могли. Но Феодосий прославился не ученостью, а тем, что в старину называли «пронырством» – подлым приспособленчеством, умением держать по ветру нос, извечной готовностью к предательству. Он выскочил наверх, затоптав своего благодетеля митрополита Новгородского Иова, в епархию которого входила Ижорская земля. Основав Александро-Невский монастырь, Феодосий фактически отделился от Новгородской епархии, а потом и сам занял Новгородскую кафедру, перенес ее с берегов Волхова на берег Невы. Он был один из тех, кто стоял у истоков синодального периода истории церкви, окончательно превратившего ее в идеологическую контору самодержавия. Его можно было видеть и на церемониях, и на попойках кошунственного для церкви Всепьянейшего собора. Он сопровождал Петра в заграничной поездке и особенно увивался возле царицы Екатерины. В церковной иерархии Феодосий вытеснил с первого места патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского, став первым человеком в образованном Петром в 1720 году Священном синоде. Он беспрекословно исполнял волю Петра, внося немыслимые для православных перемены в обряды русской церкви. Феодосий был настоящий инквизитор; неумолимо и жестоко преследовал он всех противников официальной церкви, в особенности старообрядцев, на которых охотились как на диких зверей. Но как только умер Петр, Феодосий публично обрушился на все, что сделал в России его повелитель. Это не было озарение или покаяние. Феодосию показалось, что ему уже нет преград и ограничений. Он стал отважно пинать мертвого льва. В этом проявилась его неистовая, злобная натура. В присутствии своих коллег по Синоду он, не стесняясь, поносил Петра, называя его страшным грешником, тираном и распутником. К тому же он не проявил должного уважения к новой императрице Екатерине I, считая ее слабой и недостойной правительницей. Весной 1725 года его аресто-

вали и сослали в холмогорский Корельский монастырь. Когда в июне 1726 года его привезли в этот монастырь, тут он и понял, что погиб безвозвратно, и стал просить прощения. Но было уже поздно: дело Феодосия становилось все толще и толще – подходили все новые запоздавшие с доносами и разоблачениями коллеги Феодосия, вскрылись дела о хищении им денег и о множестве других грехов. Феодосия лишили архиерейской и иерейской мантий. Он превратился в простого монаха старца Федоса, которого «запечатали», т. е. замуровали в келье под церковью. Там он и умер без покаяния и доброго человеческого слова.

Царская власть и церковь в России никогда не прекращали борьбы со старообрядцами, оставшимися верными заветам дедов и проклинавшими «никониан», «опоганивших истинную христианскую веру». Сожжение 17 августа 1681 года в Пустозерске знаменитого протопопа Аввакума не означало и победы официальной церкви над старообрядцами. Видя бесполезность и опасность прежних открытых дискуссий с никонианами, старообрядцы начали уходить в глухие места, строить там скиты, которые становились центрами сопротивления официальной церкви и царской власти.

В далеких скитах заработали скриптории – книжные мастерские, где писцы копировали старинные церковные книги, размножали тайные послания уважаемых в старообрядческой среде старцев. Эти послания расходились по всей стране, воодушевляя сторонников двоеперстия и шестиконечного креста.

Непросто складывались отношения старообрядцев с властью при Петре Великом. С каждым годом эта власть, издавая суровые полицейские указы, делала их жизнь все опаснее и сложнее. В полицейском государстве Петра места старообрядцам предусмотрено не оставалось. Серией законов они были поставлены вне общества и права, фактически признаны преступниками. Пожалуй, самым выразительным стал многократно подтверждаемый указ о необходимости ношения раскольниками (так официально назывались старообрядцы) специальной одежды. Ее главной отличительной чертой был красно-желтый козырь – лоскут, который раскольники должны были пришивать на спине.

Отныне каждый верноподданный мог следить за поведением «меченного» таким образом раскольника в толпе и доносить о всяком его нарушении властям, за что получал награду. Женам раскольников предписывалось носить специальный головной убор – «шапку с рогами». За попытку снять установленное указами платье или переодеться в красный кафтан, на фоне которого козырь был не виден, раскольников жестоко преследовали. Указами 1720 и 1724 годов всем раскольникам было предписано не-

медленно, под угрозой смерти, сдать властям старопечатные и рукописные дореформенные книги.

Реформа налогообложения – введение подушной подати – особенно обострила отношения власти и старообрядцев. Их (как мужчин, так и женщин) переписывали и клали в двойной подушный оклад. Но не двойной оклад более всего пугал сторонников старой веры. Они были готовы платить двойной оклад, как и особый налог на бороды, – откупиться от антихристовой власти деньгами так просто! Старообрядцы прекрасно поняли полицейское значение подушной переписи, которая создавала для них ловушку, из которой не было выхода. К тому же перепись душ воспринималась в свете приближающегося, по их мнению, конца света, когда Антихрист пытается заполучить точные сведения о числе душ истинных христиан.

Когда был принят закон 1722 года о нарушении священником тайны исповеди во имя разоблачения врагов государства, всякие пути возвращения старообрядцев в лоно Русской православной церкви окончательно закрылись. Более грубого вмешательства светской власти в духовный мир человека трудно и придумать.

И принять новый порядок старообрядцы не могли. Много волнений в среде старообрядцев вызвал указ Петра от 5 февраля 1722 года о престолонаследии, согласно которому император получал право назначить себе в наследники любого человека. При этом имя наследника в указе не стояло. Это-то более всего и смущало старообрядцев. «Да человека ли? – вопрошали старообрядцы. – Не Антихриста ли?» Ведь только его имя вслух не произносилось верующими. Поэтому, как только власти потребовали всенародной присяги в верности указу о безымянном наследнике, старообрядцы по всей стране решительно отказались подчиняться властям. В мае 1722 года от присяги отказался целый город в Сибири – Тара. Влияние старообрядцев в нем было особенно велико.

Не следует забывать, что у русского народа в то время отсутствовало размежевание на старообрядцев и «верных сынов матери-церкви». Пропаганда смелых, талантливых проповедников – духовных детей и последователей гениального протопопа Аввакума – сильно влияла на сознание паствы официальной церкви. Кроме жестокости, доноительства и подчинения капризам светской власти она ничего не могла противопоставить ярким посланиям старообрядческих старцев, беспощадно клеймивших «богомерзкую» власть «царя-табашника» и его иноземных министров. Именно поэтому старообрядцы пользовались всенародным уважением, получали помощь, имели повсюду тысячи своих сторонников.

Так было и в Таре. Осенью 1722 года из Тобольска в Тару был отправлен карательный отряд, создана специальная розыскная канцелярия, которая схватила сотни жителей Тары. Начались невиданные еще по масштабам репрессии против старообрядцев. К розыскам и кровавым пыткам были привлечены тысячи людей, началась ловля старообрядцев как диких зверей по всей Западной Сибири. Оказалось, что Сибирь-матушка, дававшая на своих просторах пристанище всем обиженным и гонимым властями, уже не может спасти свободного человека от жестокой власти грубого солдата и подьячего. Сибирское население было напугано страшными вестями из Тары, где как бы начали сбываться жуткие предсказания старцев о приходе Антихриста. Людей можно понять – ведь сведения о массовых казнях подтверждаются документами. Известно, что за три-четыре года Тарского сыска повешено, колесовано, четвертовано, посажено на кол не меньше тысячи (!) тарских жителей и округи – простых крестьян, казаков, посадских. Крестьяне, причастные и непричастные к расколу, бросая отвоєованную у тайги землю, построенные деревни и заимки, бежали куда глаза глядят – подальше от ужаса перед надвигающимися муками.

По всей Сибири запылали страшные гари – самосожжения старообрядцев, видевших спасение только в огне, в гибели. Гари, как правило, начинались с длительных переговоров прибывшего военного отряда с обитателями старообрядческих скитов. Командир отряда, получивший жесткие инструкции о переписи и положении в двойной оклад старообрядцев, аресте их лидеров, стремился поначалу уговорить раскольников подчиниться мирно царским указам. Старцы отвечали мягко, но решительно: «Ото всея братии ответ: тово ради мы не пишемся в нынешни времена, боимся Ереси... того ради мы дани не даем в нынешни времена, что у вас годы и времена променены. А у нас люди беспомощни: старой да малой, слепой да хромой. А мы живем Бога ради, хмель не берем и не промышляем, и мы... сидим в запоре и не смеем никуда выехать. Аще вы нас погоните, и мы живы в руки вам не дадимся: береста и смолье, и дрова, и солома, и пороху с пуд приготовано. И вы творите, что вам повелено».

Положение прибывшего начальника было очень сложным. Ведь исполнить царский указ без жертв невозможно: раскольники упорны, их скиты имели прочные двери, узкие окна, через которые раскольники отстреливались от солдат. Изнутри все помещение было обложено горючим материалом. Сидевшие там мужчины, женщины, дети, старики, доведенные непрерывной заупокойной службой и песнопениями до иступления, только и ждали наступления «антихристового воинства», чтобы поджечь

скит и уйти от преследователей на небо. Тарский розыск ожесточил старообрядцев, гари запылали одна за другой. В лесах за рекой Пыжмой сгорело в одной гари 145 беглых крестьян из тюменских и ишимских деревень, а ранее – еще 400 человек. Но самой страшной гарью XVIII века стала Елунская гарь в Томском уезде. Как и большинство других гарей, ее спровоцировало прибытие воинской команды для поимки «зачинщиков и возмутителей». Еще многие десятилетия память о Тарском сыске жила в сознании народа, а волна самосожжений, которая прокатилась по Уралу и Сибири, стала ответом на усилия власти подчинить старообрядцев.